

УДК 34.096

ШАГИВАЛЕЕВА ИНДИРА ЗАКИРОВНА

доцент кафедры гражданского права и процесса, ОГУ Россия, г. Оренбург

САВЕНОК АРИНА ВЛАДИМИРОВНА

бакалавр юридического факультета, ОГУ Россия, г. Оренбург

БОНДАРЕНКО ИРИНА КОНСТАНТИНОВНА

бакалавр юридического факультета, ОГУ Россия, г. Оренбург

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ
ИНОСТРАННОГО ЛИЦА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В
РОССИИ И США**

Аннотация: в данной работе раскрыта возможность реализации правоотношений в исполнительном производстве с участием иностранного лица, определена проблема российского законодательства, согласно которой нет точного определения момента возникновения правосубъектности у иностранного лица в исполнительном производстве и предложен возможный путь её решения. Так же раскрыты различные подходы к определению момента возникновения правосубъектности иностранного лица по законодательству РФ и США.

Ключевые слова: исполнительное производство, иностранное лицо, Российская Федерация, США, отношения с иностранным элементом, судебный пристав.

SHAHIVALEEVA INDIRA ZAKIROVNA

Associate Professor of the Chair of Civil Law and Process, OSU Russia, Orenburg **SAVENOK**

ARINA VLADIMEROVNA

Bachelor of Law Faculty, OSU Russia, Orenburg

BONDARENKO IRINA KONSTANTININNA

Bachelor of Law Faculty, OSU Russia, Orenburg

**MAIN PROBLEMS OF DEFINITION OF THE FOREIGN PERSONALITY OF
THE FOREIGN PERSON IN THE EXECUTIVE MANUFACTURE IN
RUSSIA AND THE USA**

Annotation: in this paper, the possibility of implementing legal relations in enforcement proceedings with the participation of an alien has been disclosed, the problem of Russian legislation has been determined, according to which there is no precise definition of the moment of the emergence of legal personality of a foreign person in enforcement proceedings and a possible way of solving it is suggested. Also, various approaches to the definition of the moment of the emergence of the legal personality of a foreign person under the legislation of the Russian Federation and the United States are disclosed.

Keywords: enforcement proceedings, foreign person, Russian Federation, United States, relations with foreign element, bailiff.

Традиционным для российского права является понимание правосубъектности как синтеза правоспособности и дееспособности лица, которая осуществляется с учетом специфики конкретного правоотношения. При этом правосубъектность как таковая возникает лишь в тот момент, когда лицо приобретает и правоспособность, и, в дальнейшем, дееспособность [1].

Реализация правоотношений в исполнительном производстве возможна, только если в них участвуют уполномоченный орган либо должностное лицо (суд,

судебный пристав-исполнитель), а также взыскатель и должник. Данное положение закреплено в части 1 статьи 1 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Тут закон определяет названных субъектов как обязательных участников отношений по принудительному исполнению судебных и иных юрисдикционных актов [2].

Таким образом, исполнительное производство как форма административно-юрисдикционной деятельности реализуется в тот момент, когда все его обязательные участники приобретают правосубъектность, предусмотренную законодательством об исполнительном производстве. Вместе с тем участие иностранных лиц как субъектов в исполнительном производстве по ряду объективных причин усложняет реализацию соответствующих правоотношений.

Главная проблема правосубъектности иностранных лиц в исполнительном производстве России и реализации процессуальных исполнительных отношений с иностранным элементом связана с тем, что российское законодательство не позволяет однозначно определить момент возникновения правосубъектности у таких лиц. Решение данной указанной проблемы играет очень важную роль в обеспечении прав иностранных лиц в исполнительном производстве, при том, что распространения на таких лиц норм их личного закона не предусмотрено согласно ч. 3 ст. 62 Конституции РФ.

Так, например, регулирование исполнительных действий с участием иностранных лиц выделилось в отдельную самостоятельную группу правовых норм в исполнительном производстве США. Сейчас на территории 28 штатов США действует Единообразный закон Uniform Foreign Country Money Judgments Recognition Act («О признании иностранных судебных решений о взыскании денежных средств»), и многие нормы данного закона регулируют правосубъектность иностранных лиц в исполнительном производстве США. Федеральный закон США «Fair Debt Collection Practices Act» (О добросовестном взыскании долгов) в п. «b» § 814 предусматривает право сторон в исполнительном производстве заключить соглашение о выборе права, применимого к статусу отдельных видов имущества в исполнительном производстве. Кроме того,

содержание п. «с» Закона определяет, что правоспособность и дееспособность иностранных лиц в исполнительном производстве США подчинены их личному закону.

Таким образом, вышесказанное позволяет говорить о том, что регулирование исполнительного производства с иностранным элементом в США достигло такого уровня, что сформировался самостоятельный массив норм, составляющих международное исполнительное право.

Наличие проблемы правосубъектности иностранных лиц в исполнительном производстве России привело к возникновению споров и дискуссий. Проанализировав научную юридическую литературу появилась возможность выделить три основные концепции, которые раскрывают момент возникновения у иностранных лиц правосубъектности в исполнительных отношениях с иностранным элементом.

Во-первых, сторонники формальной концепции утверждают, что правосубъектность иностранного лица возникает с момента начала исполнительных действий. Часть 1 статьи 1 Основного закона определяет связь между началом исполнительного производства и процедурой принудительного исполнения судебного или иного процессуального акта. В свою очередь, указанная процедура, как закреплено в части 1 статьи 30 Основного закона, возникает с момента возбуждения исполнительного производства и начала исполнительных действий. Таким образом, точка зрения А. Н. Береснева и В. А. Гуреева, что все стороны исполнительного производства, так же и иностранные лица, приобретают правосубъектность с момента возбуждения исполнительного производства и начала исполнительных действий является аргументированной [3].

Похожего мнение высказал А. В. Рего и отметил, что публичность, которая свойственна любым правоотношениям в исполнительном производстве, определяет факт того, что исполнительное производство начинается с момента, когда и властный, и подвластный субъекты приобретают права и обязанности. То есть, только в момент возбуждения исполнительного производства (т. е. появления прав и обязанностей у судебного пристава-исполнителя) стороны исполнительных

отношений приобретают правосубъектность [4]. Так же, Д. Х. Валеев пишет, что возникновение у иностранного лица правосубъектности с момента возбуждения исполнительного производства обосновано спецификой предмета исполнительного производства, т. е. принудительно-исполнительной деятельности судебного пристава-исполнителя. Такой прием определения момента возникновения правосубъектности у иностранного лица схож с мнением А. В. Рего[5].

И подобный подход нашел отражение в ряде судебной практики российских судов. Так, вышесказанное укрепляется тем, что в постановлении ФАС Поволжского округа от 6 декабря 2005 г. по делу № А12-3592/05-С3210 определено, что права и обязанности иностранных лиц в исполнительном производстве возникают с момента предъявления исполнительного листа к принудительному исполнению.

Так же нужно отметить, что до возбуждения исполнительного производства истец и ответчик как будущие субъекты исполнительного производства приобретают определенные права и обязанности. Так, часть 1 статьи 7 Основного Закона указывает на обязанность должника добросовестно исполнить судебный акт, вынесенный по итогам рассмотрения дела с его участием и это означает, что данная обязанность возникает перед фактическим возбуждением исполнительного производства, то есть с момента вынесения судом исполнительного документа. Кроме того, из содержания пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» следует, что права и обязанности, предусмотренные Основным законом, возникают у сторон с момента выдачи исполнительного листа либо иного исполнительного документа [6].

В экзекватурной концепции момент, в который у иностранных лиц возникает правосубъектность для участия в исполнительных отношениях выступает момент издания правового акта, который обладает свойством исполнимости. Таким образом, любой акт, обладающий свойством исполнимости (например, судебное

решение или судебный приказ) для лиц, которым он адресован, создает соответствующие права и обязанности, которые являются содержанием исполнительных отношений. Изветный дореволюционный цивилист и ученый в сфере гражданского процесса К. И. Малышев в своих трудах придерживался сходного подхода для определения момента возникновения правосубъектности у иностранного лица. Он указывал, что исполнительное производство – это процесс принудительного изменения фактического состояния отношения на основании акта, имеющего свойство исполнимости [7].

Исследователь гражданского процесса США Г. О. Аболонин пишет, что правосубъектность иностранных лиц в американском исполнительном производстве возникает с момента вступления в силу судебного акта [8]. Так, Верховный Суд США в деле *Goodyear Dunlop Tires Operations, S. A. v. Brown* указал: «Исполнительное производство начинается уже с того момента, когда решение суда вступило в силу, и у проигравшей стороны возникла позитивная обязанность осуществить те или иные действия, определенные судом». Дж. К. Хазард и М. Таруффо подчеркивают, что выдача исполнительного листа (a writ of execution) сама по себе не приводит к существенному изменению правосубъектности иностранного лица в федеральном гражданском судопроизводстве, поскольку в контексте ст. 68 Федеральных правил гражданского процесса США (Federal Rules of Civil Procedure) исполнительное производство понимается как заключительная стадия судебного процесса [9].

Проблема правосубъектности иностранных лиц в исполнительном производстве США так же существует, но она сопряжена с таким явлением, как взаимосвязь исполнительных производств (executory proceedings interrelationship). Специфика формы государственного устройства США предопределила тот факт, что судебное решение по одному и тому же делу может исполняться в рамках как федеральной юрисдикции, так и юрисдикции штатов или юрисдикций нескольких штатов одновременно. При этом нормы о личном законе лица (в частности, юридического лица) неодинаково трактуются в законодательстве штатов о международном частном праве. В связи с этим в исполнительном производстве

США возникла проблема множественности личного закона (*diversity of citizenship*) иностранного лица: коллизионные привязки различных штатов стали создавать у одного и того же лица правосубъектность в рамках нескольких правовых систем одновременно.

К примеру, Верховный суд штата Нью-Йорк в деле *Douglass v. Phenix Ins. Co.* указал, что личным законом иностранного юридического лица в данном штате является закон того штата или государства, где учреждено юридическое лицо. В штате Калифорния личным законом компании считается право того штата либо государства, в котором находится ее административный центр (постановление Верховного суда штата Калифорния по делу *Friese v. Superior Court*). Таким образом, если исполнительные действия в отношении иностранной компании будут проводиться на территории этих штатов, то ее правосубъектность в исполнительном производстве будет разной в каждом штате.

Одним из способов разрешения описанной проблемы в прецедентно-правоприменительной практике судов США является использование доктрины уклонительных средств (*escape devices*). Она дает суду законную возможность уклониться от применения компетентного правопорядка в пользу права штата или федерации (в зависимости от вида суда) в том случае, если применяемое право противоречит правопорядку *lex fori* (правовой принцип, означающий применение права того государства, где рассматривается спор или по-другому «закон суда») [10].

Так, согласно ст. 5304 Закона штата Нью-Йорк «О гражданско-правовой практике» (*New York State Civil Practice Law and Rules*) иностранному лицу может быть отказано в применении норм его личного закона в исполнительном производстве, если суд штата сочтет применимое право неподходящим. При этом критерии, по которым иностранное право признается неподходящим, в данном законе не раскрываются. Законом штата Делавэр «О правилах гражданского процесса в Верховном суде» (*Rules of Civil Procedure for The Superior Court of The State of Delaware*) установлено, что при исполнении решений Верховного суда иностранное лицо не может действовать на основании своего личного закона до тех

пор, пока не докажет, что нормы компетентного правопорядка не противоречат «морали и добрым нравам штата» (ст. 44.1).

Поскольку обозначенная выше проблема не была разрешена, в современной практике судов штатов США усматривается тенденция субсидиарного применения норм федерального права к правосубъектности иностранных лиц в исполнительном производстве при установлении множественности личного закона.

В отличие от права России, право США четко определяет момент, когда у иностранных лиц возникает правосубъектность в исполнительном производстве. При этом правосубъектность таких лиц подчиняется их личному закону, поскольку в США исполнительное производство понимается как заключительная стадия гражданского процесса, а не самостоятельный вид юрисдикционной деятельности. В то же время особенности коллизионного права штатов способствуют возникновению у иностранных лиц множественности их личного закона в исполнительном производстве, что значительно затрудняет совершение исполнительных действий.

Можно сделать вывод о том, что законодательство и судебная практика России до сих пор не пришли к однозначному ответу на вопрос о том, когда у иностранных лиц возникает правосубъектность в исполнительном производстве.

Мы считаем, что из-за взаимосвязи и взаимообусловленности прав и обязанностей взыскателя и должника в исполнительном производстве их правосубъектность возникает одновременно. С учетом судебной и административной практики ФССП России моментом возникновения правосубъектности иностранного лица в исполнительном производстве следует считать издание исполнительного документа. Представляется, что для обеспечения единообразия правоприменительной практики в рамках исполнительного производства с участием иностранных лиц требуется закрепить в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» нормы, определяющие содержание правосубъектности иностранных лиц и момент ее возникновения, как это сделано в ст. 5 Кодекса административного судопроизводства РФ.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Об исполнительном производстве» : федер. Закон : [принят Государственной Думой 14 сентября 2007] . Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/

2. Российская Федерация. О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства : Постановление Пленума Верховного Суда РФ : [от 17 ноября 2015 г.]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/

3. Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. - СПб.: - 2004. - 122 С.

4. Аболонин Г. О. Гражданское процессуальное право США: монография. - М: - 2010. - 363 С.

5. З Береснева А. Н. Гуреева В.А. Порядок исполнения судебного решения: обеспечение прав взыскателя и должника. Разработка темы, комментарии и разъяснения. - М.: - 2012. - С. 15-16.

6. Валеев Д. Х. Процессуальное положение лиц, участвующих в исполнительном производстве: авто-реф. Дис. - Казань. - 1999. - С. 9-10.

7. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. - СПб.: - 1879. - С. 373.

8. Рего А. В. Указ. соч. - С. 172.

9. Hazard J. C., Taruffo M. American Civil Procedure: An Introduction. - Yale, 2014. - P. 194-197.

10. Uniform Commercial Code Revised Article 9. Secured Transactions; Sales of Accounts and Chattel Paper (With Prefatory Note and Comments). - Philadelphia, 1995. - P. 16.